

Ярость и непримиримость:

рец. на: Кулясов С. Дань. М.: У Никитских ворот. 2019. 108 с.

Поэтическая книга Сергея Кулясова «Дань» оставляет впечатление сильное, хоть и тревожное. Очень стройные, крепко сшитые стихи – с меткими рифмами, формульными концовками – «цепляют» своей живой интонацией: разговорной, ироничной, народной. Грубость и жесткость уравниваются лирическими пассажами, но, пожалуй, именно жесткость, воспринимаемая в данном случае как честность, – одна из ключевых характеристик поэтического языка Кулясова, в котором книжная лексика так подчеркнуто контрастирует с просторечной, жаргонной, обценной. Высокое и низкое, идеал и антиидеал, агрессия и смирение, ирония и самоирония – на этих противоречиях строится образность и поэтика автора. И вот что особенно удивляет: притом, что одна из центральных тем книги – тема отсутствия свободы, сами стихи звучат очень свободно – как будто написаны на одном дыхании, в счастливый момент охваченности вдохновением.

Может сложиться впечатление, что поэт – сторонник прямого высказывания, но это не совсем так. Да и чего стоит его герой-антигерой – «богоотступник, маргинал», вышедший из 90-х, – с лицом подростка, с поступью юродивого? Но прежде чем говорить о герое, несколько слов скажем об авторе.

Сергей Кулясов (р. 1986) большую часть жизни (19 лет) провел в пос. Игра Удмуртской Республики, несколько лет жил в Саранске, сейчас живет в Москве. Кулясов выбрал репутацию закрытого, непубличного поэта. В литературной жизни Москвы практически не участвует, выступает редко, отказывается от публикаций в коллективных изданиях. Стихи размещает на своей странице ВКонтакте¹.

«Дань» – это вторая книга С. Кулясова. Дебютная – «Обращения» – вышла в 2015-ом году в Саранске. Сам автор считает ее крайне неудачной: в

¹ <https://vk.com/telluriets>

личных разговорах просит не напоминать о факте ее существования. «Обращения», действительно, книга еще очень ученическая, в то время как «Дань» позволяет говорить об авторе как о состоявшемся поэте.

«Дань» интригует уже своей обложкой, в оформлении которой использован рисунок Степана Шоболова – художника из Иркутска, автора скандальных графических работ. Шоболов изображает современную Россию и ее апокалиптическое будущее: Кремль у него похож на монстра, вросшего в землю, высотные дома – на кресты, депутаты, сидящие в Госдуме, – на слизней. Вот и в качестве обложки для своей книги С. Кулясов выбрал очень показательный рисунок. В его центре – огромная панельная многоэтажка, на которой просматривается надпись «спасите», рядом – Останкинская телебашня и Главное здание МГУ, а перед ними – пятиэтажная хрущевка, деревянная церковь, смотровые вышки с прожекторами. Все это обнесено бетонным забором с колючей проволокой, а на переднем плане – вооруженный охранник с собакой. Аналогия напрашивается сама собой: Россия изображена как одна большая тюрьма. Эта обложка, выдержанная в черно-серых тонах (вместе с указанием на возрастное ограничение 18+ и подписью «содержит нецензурную брань»), позволяет предположить, что в книге Кулясова в духе чернухи показана современная эпоха, современная Россия, заявлен конфликт человека с режимом, системой, властью.

Книгу составили два цикла – «На семи продувных сквозняках» и «Дань». «На семи продувных сквозняках» – строка из песни Егора Летова «Долгая счастливая жизнь», основной смысл которой – как раз-таки про невозможность этой самой счастливой жизни, декларируемой названием. В интервью, данном по случаю выхода своей первой книги «Обращения» и анонса второй – «Центрифуга», которая так и не вышла, Кулясов признался, что «Гражданская оборона» – его любимая группа, а Егора Летова он считает «гениальным поэтом»². В стихах прямо сказано о равнодушии к летовскому творчеству:

² Саранский поэт Сергей Кулясов: «Не могу писать стихи пьяным и счастливым, что, впрочем, одно и то же...»
// <https://stolica-s.su/archives/10033>

«Вечерами слушаю Гр. Об.» (с. 10). От Летова, судя по всему, автор «Дани» унаследовал тип мироотношения, в основе которого лежит протест против социального устройства, конформизма, пошлости и обывательщины. Вот, например, читаем у Кулясова:

Этот город, как и любой другой,
Соткан из одиночеств,

Мечтающих жить в Париже
С провинциальной красоткой,
Желающих видеть Монмартр и Пер-Лашез.

А я на ужин купил дюшес
И смешал его с водкой (с. 11).

В этом тексте, кстати, звучит явная отсылка к формуле «все идет по плану» (у Кулясова: «Но все идет, как положено» (с. 10)). Но поэтика Кулясова все таки-не не летовская – образность не иррациональная, а, скорее, наоборот: Кулясов – поэт очень логичный, «стройный», словно следующий заветам акмеистов, которые призывали к «архитектурности» в поэзии. Однако говорить о полной прозрачности текстов и подтекстов здесь не приходится: концептуальная сложность книги «Дань» связана с особым характером диалога между автором и героем.

Герой Кулясова живет не просто в закрытом, а в крошечном мире, очень похожем на тюрьму. Этим миром оказывается Россия, метонимией которой выступает то Москва, то какой-нибудь «поселок средневековый» (с. 25).

К слову, выражение «на семи продувных сквозняках», кроме того что отсылает к песне Летова, рифмуется с известным оборотом «на семи холмах». Так говорят про Москву. Вот и оказывается, что один из ключевых топосов книги – Москва («Я в Москве. / Один на один с тоской» (с. 10), «Снег колючий вторые сутки / Вводит в ступор вечерний МКАД» (с. 13), «В Москве бесконечный ремонт» (с. 89)).

Москва у Кулясова – место холодное, сырое, гиблое: не семь холмов, а семь сквозняков. Именно через это гиблое место и проходит путь героя. Об этом – уже начальное стихотворение книги:

Ничего не помню:
На какой станции я сошел,
Как очнулся на сквозняке,
И зачем несу на плечах мешок
И корявый посох держу в руке (с. 9).

Непонятно, что случилось с героем, но кажется, как будто с ним произошли какие-то изменения – в его внутренней природе. Произошло какое-то перерождение – как в пушкинском «Пророке», персонаж которого после всех манипуляций, проведенных над ним, «как труп, в пустыне лежал», а потом «восстал», чтобы «исполниться» Божьей волей. Вот и герой Кулясова очнулся – но уже новым: у него на плечах мешок, в руках – посох. Вся эта атрибутика отсылает к важному для русской культуры архетипу – образу странника, исполненного духовных исканий – истины, последней правды, Бога. И странствие героя лежит через всю Россию, до размеров которой и разрастается (раздувается) Москва. Россия – это МКАД и то, что за МКАДом, «огромные жилмассивы» (с. 84), «периферия, объезд, обочина» (с. 29), «край провинции, дно, отшиб» (с. 25). Симптоматично, что известная пушкинская строка про Москву Кулясовым трансформируется в строку про тоску – и через это осуществляется выход на тему родины, где экзистенциальное перерастает в социальное:

Тоска... немного в этом звуке:
Надрыва, осени, стыда.
Иду-шагаю, руки в брюки,
Туда-сюда, туда-сюда.
Один и тот же двор, березка,
Качели, мостик подвесной,
Братва толпится у киоска,

УАЗик едет ментовской (с. 20).

Герой книги – молодой бунтарь, «гопник», «поэт, меланхолик, ублюдок», «плюющий на порядок вещей», готовый, вроде бы, совершить акт протеста против системы, но почему-то не совершающий его, «сохраняющий нейтралитет» при всей своей ненависти к власти, к тирании. И если на уровне слова (зачастую бранного и нецензурного) герой отчаянно бунтует против социального устройства, то на уровне поступка он занимает конформистскую позицию:

А еще я бумагу сто лет мараю
То на съемной хате, то в хате с краю <...>
У борцов с режимом в руках ломы,
Я стою на грани «они и мы» (с. 66).

Эта идея очень рельефно выражена в стихотворении «Подражание», представляющем собой реминисценцию пушкинского «Сижу за решеткой в темнице сырой...». Вроде бы, герой и слышит призыв, звучащий внутри него – про то, что «пора просыпаться, пора делать шаг» (с. 18), но продолжает бездействовать, прятаться от мира – жить за МКАДом, «лежать на кровати в квартире сырой» (с. 18). Все это напоминает ситуацию из русской былины про богатыря Илью Муромца, 33 года пролежавшего на печи. Вывод, к которому приходит герой стихотворения «Подражание», весьма неутешительный: «Какие мы птицы? Ты – вошь, я – блоха» (с. 18). И получается, что, сколько бы ни мечталось о свободе («Покуда свобода и родина вся – / Комок, подступающий к горлу» (с. 16)), остается признать: «свободы нет», – и успокоиться на этой мысли.

Еще одно амплуа героя Кулясова – барачный заключенный, живущий за колючей проволокой («То и дело лежу на шконке, / За колючкой чернеет лес» (с. 14)). Но мы ведь понимаем, что тюрьма в логике авторского замысла – метафора России, где вместо того чтобы совершить поступок, человек «мечтает» – живет ненавистью к системе, читает вольнолюбивую лирику А. Пушкина и «Колымские рассказы» В. Шаламова, слушает «Гражданскую

Оборону» и А. Башлачева, вынашивает в себе тихий бунт, который сам же потом и подавляет («Гляну мельком на соседний барак, / Призадумаюсь и сдохну вот так» (с. 56)), а еще чаще – запивает-заливает его вином. Герой Кулясова идет по России не куда-нибудь – не за последней правдой-истиной, а «за пивом», за очень простым и понятным счастьем:

Стопнется ли, к черту, башмак,
Грянет ли в России майдан,
Хорошо принять натошак
Благодати полный стакан.
И идти, шатаясь, домой,
Прижимая тару к груди.
Неужели, боже ты мой,
Смерти нет, и все впереди? (с. 104)

Это, конечно, ролевой герой, который соотносит себя и с есенинским хулиганом («Под высоким опьяняющим градусом / Наконец-то говорю о любви» (с. 47)), и с ерофеевским Веничкой – тоже едет на поезде «Москва-Петушки», пьет «горькую», «думает о чем-то далеком» (с. 15) – но нет, не об онтологических основах бытия, а о какой-нибудь «бабочке южной степи»: его пир, на первый взгляд, сложно назвать философским:

В натуре, счастье. Идешь по парку,
В руке бутылка, в портках тетрадка.
Хмельной, бесстрашный, готовый к драке
С любим, кто тоже бухает в парке (с. 27)

Но все это антигеройское поведение на самом деле носит характер своего рода шутовского кривлянья («шутовской колпак» (с. 62) наряду с «мешком» и «посохом» – один из атрибутов героя). Вот и получается, что в перевернутой, кромешной реальности персонаж Кулясова сродни юродивому, надевающему на себя маску «гопника», «зека», «слабака», «труса», дабы явить миру его несовершенства, обозначить антинорму, став зеркальным отражением этой антинормы. Это и делает героя – героем: за внешней бравадой скрывается тоска

– неизбывная, русская, почти «древнерусская», за смелыми ругательствами – боль за свою родину, где, «как на картинке» (с. 84), куда ни посмотри – везде «окурки, плевки, бутылки, листва и презервативы» (с. 84). Возможно, именно ей – страдающей, «поруганной» России (как тут не вспомнить блоковское «долго будет родина больна»?) – героем и отдается дань. Именно «Родина» (у автора с прописной буквы) для персонажа Кулясова и есть та «жемчужина», которая «опустилась на дно» (с. 24), превратившись в «совок» (с. 25), в один большой «кабак», в тюрьму, «в чужую страну» (с. 15). Это и есть точка схождения героя и автора. Авторская задача связана с рефлексией и по поводу трагизма русской истории, и по поводу русской психологии, которую еще Пушкин выразил в формуле «народ безмолвствует» (она буквально воспроизводится в одном из финальных стихотворений книги), и по поводу эпохи, с которой совпала молодость самого Кулясова. «Дань» – это именно книга стихов, а не просто сборник стихотворений: здесь есть и завязка, и развитие действия, и финал – вроде бы, светлый («Смерти нет, и все впереди»), а на самом деле трагический. В свою очередь эпиграф – цитата из стихотворения Уолтера де ла Мэра «Слушающие» – «Скажите, что я приходил...» – можно интерпретировать как прямую речь автора, рефлекслирующего над своим местом в эпохе и поэзии. Его ярость направлена против равнодушия и той счастливой «бессознанки», в которой так комфортно пребывать современному человеку. Автору же (гуманисту по сути) хочется быть не просто голосом эпохи, но тем, кто способен разбудить, вывести из «бессознанки». А прием, используемый при этом, очень рабочий: надо надеть на своего персонажа маску «героя нашего времени» – выходца из 90-х: пусть посмотрят, вдруг захочется на зеркало попенять, как говорится в пословице.

Чтобы выразить позицию «ярости и непримиримости», Кулясову закономерно потребовалась и нецензурная брань, грубая, сниженная лексика, в том числе жаргонизмы и арготизмы, и особая – надрывная – интонация, задаваемая, например, анапестом (им написан достаточно большой процент стихотворений). Смысл этого поэтического метра прекрасно выразил Т.

Кибиров, отрефлексируя ритмику Н. Некрасова («Да некрасовский скорбный анапест / Носоглотку слезами забил»). Некрасов с Кибировым вспоминаются не как случайная параллель: в книге С. Кулясова улавливаются аллюзии на поэмы «Кому на Руси жить хорошо» и «Сквозь прощальные слезы» («Русью пахнет, судьбою, говном», «Сном мертвецким, похмельем крошечным»). Вообще книга «Дань» – насквозь цитатная. Автор солидаризируется с традицией – не только отечественной классики, но и зарубежной литературы (А. Пушкин, Ф. Достоевский, А. Грибоедов, М. Булгаков, А. Иванов, А. Блок, Л. Лосев, С. Есенин, Ф. Кафка, С. Беккет). Так, строка «*крутит вихри вселенских сквозняк*» (с. 43) явно отсылает к блоковской поэме «Двенадцать», где «вьюга»/«ветер» символизируют хаос эпохи. К блоковской идее о невозможности выхода из кругооборота дурного порядка отсылает в стихотворении «На путях лежат большие снега...»:

Время движется по кругу. Скорей,
Четверть века как аптека стоит,
Да сверкает ночью цепь фонарей (с. 56)

В основе «Чумы» – и пушкинская, и есенинская традиция:

Лезут вши под одеяло,
В старомодном шушуне
Косит мор кого попало,
Надрывая сердце мне (с. 31).

Для С. Кулясова писатели-предшественники – собеседники: с ними – не только с собой и читателем – автор ведет диалог о времени и человеке. Так проясняется один из смыслов названия: «Дань» – это дань традиции, оказавшей влияние на формирование автора как поэта. Понятно, что такие стихи требуют соответствующего реципиента – способного разглядеть реминисценции и расшифровать аллюзии. Интересно также, что автор не только присоединяется к предшественникам, но и в духе постмодернистской эстетики играет с цитатами, показывая, насколько ценности современной эпохи далеки от тех, которые транслировала русская классика. Например, блоковское «Я верю: то

Бог меня снегом занёс, / То вьюга меня целовала!» трансформируется в «*Я верю – напишет биограф: / То бог меня к бару привел, / То гопники брали автограф*» (с. 90). В стихотворении «Прости, Булат» обыгрываются – кроме всего прочего – строки Окуджавы «Матушка, не плачь по сыну – / У тебя счастливый сын», воспринятые автором, следует полагать, в том числе и через песню группы «Гражданская Оборона». Но если, как показал Б. Окуджава, для советского человека счастье – умереть за родину, то для современного – покорить столицу, хоть и ценой собственной гордости, и, может быть, жизни:

Матушка, не плачь – твой Ваня
Слез с печи, ушел в Москву.

Зарабатывать там деньги,
Трою брать, искать руно.
Встать душой на четвереньки,
Телом по уши в говно (с. 96).

В книге Сергея Кулясова отрефлексирована и современная эпоха с ее беспросветным кризисом, и узнаваемый психотип с его неизбежной тоской, переходящей во внутренний бунт, и логика русской истории, в которой все «*опять по замкнутому кругу*» (с. 98). Но – самое главное – в книге изображен портрет нашего современника – человека, вышедшего из 90-х, выросшего на таких окраинах, в таких подворотнях, где, действительно, кроме нецензурной брани, другого языка не знают. Видно, что автору этот герой очень близок: автор сам когда-то был этим героем, но смог его перерасти, потому что – ко всему прочему – молодость «коротал за книжками» (с. 25), за песнями «Сашки Башлачева» и Егора Летова, благодаря которым рано узнал, что «свободы нет» (с. 25), и только потом проверил эту истину на собственном опыте, а может быть, и не согласился с ней, поскольку все-таки обрел свободу – в слове. Отсюда, кстати, еще один смысл названия: поэтическая книга как дань молодости с ее эпатажем, максимализмом и в то же время – первым серьезным

соприкосновением с культурой – книжной и музыкальной, официальной и неофициальной, высокой и низкой.

Все, о чем пишет Кулясов, – очень нутряное, близкое, знакомое любому человеку, «вечная молодость» которого пришлась на конец 90-х – начало нулевых и прошла на этих самых «перифериях, объездах, обочинах». Поэтому – как ни странно – стихотворения Сергея Кулясова будят в тебе такую отчаянную ностальгию – по юности, по родным «средневековым» окраинам, по тому счастливому ощущению свободы, когда из всех динамиков дружно рвалось, что ее нет, а она у тебя – была.

Ирина Кадочникова